

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Е. А. Акуленко, В. В. Леонтьева (Минск)

ЛЕКСЕМЫ ИНДИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье предпринимается попытка определить степень словообразовательной активности лексем индийского происхождения в современном русском языке и выявить специфику образования дериватов на базе рассматриваемых лексических единиц.

Потребности межкультурной коммуникации неизбежно заставляют нас быть открытыми миру: знакомиться с разными культурами, каждый день совершать «вхождения» в мир других языков, обмениваться словами-знаками. Конечно, большую роль играют культурно-исторические, социальные, экономические, политические факторы, синтез которых всегда специфичен и индивидуален. Однако языковое воздействие прослеживается всегда. Каждый раз, сталкиваясь с иной культурой, мы испытываем и воздействие иного языка, посылающего свой «десант» на чужую территорию.

Индийская лексика в рамках современного русского языка живет на протяжении длительного времени. Однако до сих пор наиболее вероятно ее отнесение как носителями языка, так и специалистами к лексике экзотической. Тем интереснее для нас возможность проследить, как лексем индийского происхождения обустроивают свою жизнь в рамках лексико-семантической системы русского языка как языка-реципиента, и проанализировать словообразовательный потенциал слов индийского происхождения. Способны ли столь чужеродные для нас номинации и реалии, за ними стоящие, взрывать барьеры, создавать словообразовательные гнезда и цепочки или так и остаются «изолянтами»?

В центре нашего внимания – заимствования индийского происхождения, закрепленные в русскоязычной лексикографической традиции, т.е. кодифицированные авторитетными лексикографическими источниками. Тем не менее в поле нашего зрения попадают и факты, отмеченные в речевой практике носителей русского языка. Предмет исследования – словообразовательные возможности заимствованных лексем индийского происхождения и их реализация в деривационном пространстве современного русского языка.

Источниками материала нашего исследования послужили данные словообразовательных словарей русского языка, словарей иностранных слов и словарей иных типов. В качестве основных источников выступили «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова в двух томах (1985) [1], «Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов» Л. П. Крысина (2008) [2], «Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный» Т. Ф. Ефремовой (2000) [3], «Новый словарь иностранных

слов: свыше 25 000 слов и словосочетаний» Е. Н. Захаренко и др. (2008) [4], «Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология» Л. М. Баш, А. В. Бобровой и др. (2005) [5], «Словарь русского языка» в четырех томах под ред. А. П. Евгеньевой (1985–1988) (далее – МАС) [6], «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (2008) (далее – словарь С. А. Кузнецова) [7], «Современный толковый словарь» [8], «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера (2003) [9]. В качестве дополнительных источников привлекались данные орфографических и акцентологических словарей современного русского языка. Заметим, что в энциклопедических словарях по объективным причинам индийские реалии представлены значительно шире, однако мы опирались на данные исключительно лингвистических словарей, объектом описания которых являются факты языковых систем. Именно в лингвистических словарях дается информация о значениях и употреблении слов. В целях анализа нами также привлекались данные текстовой базы Национального корпуса русского языка [10].

Современная русская лексикография фиксирует лексику индийского происхождения с известной долей вариативности. Однако подобная вариативность синхронного описания абсолютно оправдана с точки зрения диахронии. Взаимоотношения русской и индийской языковых культур насчитывают столетия. Общеизвестно, что первые упоминания об Индии в русскоязычных текстах относятся к XI в. Далекая сказочная Индия вербализуется еще в «Повести временных лет», а в XV в. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина уже не обходится без целого кластера лексем, описывающих быт, культуру и обычаи индийцев. XIX в. открывает для русского сознания мир мифологии, философии, религии Индии. Отметим, что далеко не все лексические единицы индийского происхождения, несколько веков назад попавшие в мир русских текстов, представлены в лингвистических словарях сегодня.

В настоящее время лексикографические источники современного русского языка разных типов фиксируют разнящиеся по объему и составу лексические группы единиц индийского происхождения. Сводный корпус лексем индийского происхождения, отобранных из различных лингвистических словарей (толковых, орфографических, акцентологических и т.д.), насчитывает 102 единицы: *Агни, агни-йога, адити, акхьяна, асана, ахимса и ахинса, ашрама, аюрведа, бандана, баньян / баниан, бэнгало / бенгáло / бунгало / бунгáло, бери-бери, бинди, Брама / Брахма, браман / брамин / брахман / брахманы, Будда, бурхан, вайшии, варна, веданта, Веды, веранда, вйна, Вишну, гавиал, гарна, гаур, гаял, гуру / гурú, деванагари, джугара, джунгли, джут, динги, дум-дум, дхарма, дхоти, имбирь, Индра, йог, йога, карма, кашемир / кашмир, Кришна, кули, кишатри, локаята, магараджа / махараджа, магарани / махарани, мадаполам, мánдала / мандáла, мантра, маратх / маратхи, махатма, махаяна, Митра, нáнсук / нансúк, ная, нирвана, пайса / пайс, пали, пандит, панча-шила, панчаят, панчен-лама, пария, пижама, пракрит, прана, пуши, рáджа / раджá, рани, рупия, сагиб / саиб / сахиб, сандхи, санскрит, Сарасвати, сари, сахар, сварадж, свастика, сикх / сикхи, сипай,*

сутра, тантра, Тримурти, Упанишады / упанишады, урду, хаки, хартал, хатха-йога, хинаяна, хинди, хиндустани, чакра / чакры, чарвака, чатуранга, шаман, Шамбала, шандра, Шива, шудры. В составе корпуса обращают на себя внимание несколько единиц, образованных путем апеллятивации – перехода имен собственных в имена нарицательные (*кашемир, дум-дум, мадаполам*), трактовка происхождения которых не может быть однозначной. Одни словари дают их с пометой *инд., ст.-инд.*, другие – *франц.*, третьи – без помет вовсе. Мы включили данные лексемы в корпус заимствованной лексики индийского происхождения, но оцениваем их вхождение как условное.

В современных словарях отсутствует ряд лексем, послуживших производящими основами в ходе деривации на почве заимствующего языка, в ситуации включения в эти словари более сложных по морфемной структуре единиц с тем же корнем: так, в русскоязычных словарях не отмечены лексикографами более элементарные в деривационном отношении единицы, соотносительные со словами *джайнизм, гандизм, индуизм (индуист, индуистский)*. В морфемной структуре данных лексем, безусловно, присутствуют корни индийского происхождения в качестве производящей базы, однако мы не включаем их в сводный корпус заимствований индийского происхождения. Данные лексические единицы образованы по словообразовательной модели современного русского языка с использованием свойственных ему словообразовательных средств (сам суффикс *-изм* – опосредованное заимствование из древнегреческого языка через латинский – встречается и в других индоевропейских языках, в частности в английском), а значит, не могут быть напрямую отнесены к заимствованиям в русском языке и трактуются нами как факты русского словообразования. Заимствованный корень живет в заимствовавшем его языке исключительно в связанном виде: производные кодифицированы лексикографическими источниками, производящая основа осталась за рамками языка-реципиента. Такова реальность языка.

Отметим лексическую недоосвоенность многих отобранных лексем, а также вариативность формальной стороны ряда из них. В условиях лексической недоосвоенности и экзотического характера языкового фактического материала существование в системе языка подобных единиц в статусе «изолянтов» ожидаемо и закономерно, однако будет ли оно долговременным? Преодоление собственной изоляции заимствованной лексемой сопряжено с ее словообразовательным и семантическим развитием, что возможно лишь в условиях ее востребованности в современной речевой практике.

Действительно, большая часть слов, составляющих корпус заимствований индийского происхождения, вообще не образует производных в современном русском языке (70,6 %). «Нулевая» деривационная активность значительной доли лексем индийского происхождения легко прогнозируема: национально-специфический, экзотический характер части отобранного лексического материала влечет за собой их редкое использование в речевой практике, серьезные тематические ограничения текстовой реальности (*вйна* ‘музыкальный инструмент’, *ашрама* ‘период жизни древнеиндийского ария («дважды рожденного»)). Деление жизни на четыре ашрамы (ученик, домохозяин, лесной отшельник, бродячий аскет) было освящено религией’,

сварадж ‘главный политический лозунг индийского национально-освободительного движения в 1906–1947 гг., призывавший к борьбе против британского господства, за самоуправление’, *хартал* ‘(на яз. хинди, букв. – закрытие лавок), в Индии в нач. 20 в. – 1947 г. форма направленных против английских властей забастовок, сопровождавшихся закрытием лавок, бойкотом иностранных товаров и пр.’ и т.д.); кроме того, налицо грамматическая скованность ряда заимствований индийского происхождения в силу их морфологической неизменности (например, *бинди*, *сары*, *хинди*, *урду*, *хаки*, *рани*). Однако остальные лексические единицы корпуса используют свой словообразовательный потенциал в большей или меньшей степени и проявляют словообразовательную активность.

Более 17 % заимствований индийского происхождения выступают производящими для единичных слов в русском языке, проявляя минимальную деривационную активность (1–2 деривата). Потребностями коммуникации объясняется существование в языке пар *веранда* → *веранд-очк-а*, *джугара* → *джугар-н-ый*, *джут* → *джут-ов-ый*, *пеньк-о-джут-ов-ый*; *дхарма* → *дхармический*, *имбирь* → *имбир-н-ый*, *имбирн-ые*; *карма* → *кармический*, *магараджа* → *магарадж-ск-ий*, *маратх(и)* → *маратх-ск-ий*, *Митра* → *митра-изм*, *нансук* → *нансук-ов-ый*, *праkrit* → *праkrit-ск-ий*, *сикхи* → *сикхизм*, *сикх-ск-ий*, *сипай* → *сипай-ск-ий*, *мадаполам* → *мадаполам-н-ый*, *мадаполам-ов-ый*, *тижам* → *тижам-н-ый*, *тижам-ов-ый*, *Шива* → *шава-изм*.

Словообразовательных цепочек фактически нет: отмечена лишь единичная цепочка *хиндустани* → *хиндустан-ец* → *хиндустан-к-а*.

Отдельные лексемы индийского происхождения оказываются способными взять на себя роль производящих основ и порождают целые словообразовательные гнезда, лаконичные и более или менее пространные.

Среднюю степень словообразовательной активности проявляют лексемы индийского происхождения, образующие на русской почве 3–4 производных. Данные единицы составляют 6,9 % от общего числа лексем, составляющих отобранный корпус заимствований: таковы *браман* / *брамин* / *брахман* / *брахманы*, *Веды*, *имбирь*, *йога*, *кашемир* / *кашмир*, *Кришна*, *тантра*. Так, лексема *Веды* образует несколько производных на одной словообразовательной ступени: *Веды* → *веда-изм*, *вед-изм*, *вед-ий\ск-ий*; *браман* / *брамин* / *брахман* / *брахманы* → *браман-изм*, *брахман-изм*, *брахман-ск-ий*; *йог-а* → *йог*, *хатха-йога*, *йоготерапия*. Отдельно оговорим уникальность положения лексемы *кашемир* / *кашмир* в словообразовательной системе современного русского языка: варьирование формальной стороны знака языка приводит к возникновению двух словообразовательных гнезд, образованных омонимичными производящими базами (*кашемир* / *кашмир* – ‘ткань’, *Кашмир* – ‘штат в Индии’): *кашемир* → *кашемир-ов-ый*, *кашемир* → *креп-кашемир* → *креп-кашемировый*; *Кашмир* → *кашмир-ец* (→ *кашмир-к-а*, *кашмир-ск-ий* 1), *Кашмир* → *кашмир-ск-ий* 2.

Высокая словообразовательная активность характеризует лексемы *Будда*, *пуни*, *санскрит*, *сахар*, *шаман*. Приведем иллюстрации: *Будда* → *буддизм* → *буддий-ск-ий*, *Будда* → *буддист* → *буддистка*, *буддист* → *буддист-ск-ий*; *санскрит* порождает 2 цепочки: *санскрит* → *санскрит-ск-ий*

(→ по-санскрит-ск-и), санскрит → санскрит-о-логи(ия) (→ санскритолог → санскритолог-ическ-ий); пуни → пуни-ик, пуни-овк-а 1, пуни-ев-ый, пуни-ев-ой (пуни-овк-а 2), пуни-ева-ть; шаман → шаман-и-ть, шаман → шаман-ств-о → шаманств-ова-ть 1, шаман → шаман-изм → шаман-ист, шаман → шаман-ск-ий, шаман → шаман-ий, шаман → шаман-и-ть → по-шаманить, шаман → шаман-ствова-ть 2 → за-шаманствовать. Несомненный лидер лексема *сахар* (индийского происхождения, по данным словаря Л. П. Крысина) порождает макрогнездо с колоссальным количеством цепочек и членов на разных ступенях словообразования (только производных первого порядка у данного заимствования 33 (!), а общее количество производных разного уровня – 83 (!)). Однако так как, согласно данным других авторитетных лексикографических источников, лексема *сахар* – арабского происхождения, мы не будем в рамках настоящего анализа подробно останавливаться на данном деривационном феномене.

Статистические данные об удельном весе лексических единиц с разной степенью словообразовательной активности представлены в таблице.

Деривационная активность слов индийского происхождения в современном русском языке

Степень словообразовательной активности в русском языке	Кол-во лексических единиц	Иллюстрации
Нулевая (нет производных)	70,6 % (72 ЛЕ)	<i>адити, асана, вайшви, гавиал, гуру, дхоти, деванагари, кули, мандала, ная, пали, панчаят, прана, рупия, сари, урду, чатуранга</i> и т.п.
Низкая (1–2 производных)	17,6 % (18 ЛЕ)	<i>джугара, джут, карма, пракрит, сипай</i>
Средняя (3–4 производных)	6,9 % (7 ЛЕ)	<i>браман / брамин / брахман / брахманы, Веды, имбирь, йога, кашемир / кашмир, Кришна, тантра</i>
Высокая (5 и более производных)	4,9 % (5 ЛЕ)	<i>Будда, пуни, санскрит, сахар, шаман</i>
Всего	100 %	102 наименования

Таким образом, наиболее представленной в современном русском языке оказывается группа лексем индийского происхождения с нулевой деривационной активностью. Среди наименований, которые вступили в словообразовательные отношения, преобладают лексемы с низкой степенью активности.

На настоящий момент современные словообразовательные словари русского языка не фиксируют гнезда, которые составляют вместе с производящей основой производные, отмеченные в толковых, орфографических, акцентологических и иных русскоязычных словарях, например: гнездо *Кришна* → *кришнаит* → *кришнаитский*, *Кришна* → *кришнаизм*, *кришнаит* → *кришнаитка* отсутствует в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова, хотя указанные производные присутствуют в других словарях современного русского языка и широко представлены в Националь-

ном корпусе русского языка (например, выявлено 48 документов, 184 вхождения лексемы *кришнаит*, а также 17 документов, 29 вхождений слова *кришнаитский*, 7 документов, 36 вхождений наименования *кришнаизм* и т.д.).

Тем не менее лексикографическая работа в данном направлении ведется: так, «Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный» Т. Ф. Ефремовой (2000) предлагает гнездо с производящим базовым словом *тантра*, отсутствующее в более ранних специальных словарях: *тантра* → *тантрический*, *тантра* → *тантрист* → *тантристский*, *тантра* → *тантризм*.

По нашим данным, реальное обрастание лексем индийского происхождения дериватами на собственно русской почве и их укоренение в лексико-семантической системе русского языка значительно опережают фиксацию данных процессов в специальных лингвистических словарях русского языка. Словари других типов оказываются более мобильными. Первенство в скорости реагирования на реалии сегодняшней речевой практики принадлежит орфографическим и акцентологическим словарям, что вполне логично, закономерно и легко объяснимо. Говорящие нуждаются в норм-ориентире, а спрос на данную информацию (как правильно написать, как верно произнести) вызван в первую очередь потребностями современной коммуникации.

Сегодня лексемы индийского происхождения, еще не ставшие фактами деривационной системы современного русского языка по данным специальных словообразовательных словарей, уже успели пройти кодификацию в словарях иных типов (преимущественно орфографических и акцентологических) и обзавестись привычной синтагматикой в повседневной коммуникации. В наше время привычными становятся *йоговский чай*, *йоговское питание*, *йоговское дыхание*, *йоговская еда*, *йоговская чистка*, *йоговское очищение*, *йоговское упражнение*, *мантрическая формула*, *мантрический календарь*, *мантрический звук*, *тантрические практики*, *тантрическая любовь*, *тантрическая нумерология*, *тантрическая музыка*, *тантрический буддизм*, *тантрическая йога* и т.п. Данные русскоязычных интернет-запросов в поисковых системах Google, Yandex Rambler, Mail и др. подтверждают это.

Словари современного русского языка разных типов фиксируют все новые и новые дериваты, порождаемые на базе лексем индийского происхождения на почве русского языка. По словообразовательным моделям русского языка образуются номинации лиц (*будд-ист*, *шаман-к-а*, *хиндустан-ец*), действий (*пунш-ева-ть*, *шаман-и-ть*, *шаман-ствова-ть*), признаков (*джугар-н-ый*, *праkrit-ск-ий*, *нансук-ов-ый*). Отмечена группа слов – имен существительных мужского рода с семантикой идейного течения, религиозного учения, направления мысли, склонности, стиля, характера действия с суффиксом *-изм* (*будд-изм*, *сикх-изм*), слова с уменьшительно-ласкательной семантикой (*веранд-очк-а*), слова с аффиксоидами (*санскрит-о-логи(ия)*), составные наименования (*агни-йога*, *хатха-йога*) и т.п. Лексемы индийского происхождения отнюдь не ограничены в своих деривационных возможностях, используют разные модели номинации. Корпусы текстов последнего десятилетия, современная речевая практика убедительно демонстрируют значительное количество инноваций в сфере деривации на базе лексики индийского происхождения, предлагая обширный материал практической лексикографии будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Тихонов, А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – М. : Рус. яз., 1985.
2. *Крысин, Л. П.* Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.
3. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный : в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000.
4. *Захаренко, Е. Н.* Новый словарь иностранных слов : свыше 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Азбуковник, 2008. – 1039 с.
5. Современный словарь иностранных слов : толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Л. М. Баш, А. В. Боброва [и др.] – Изд. 5-е, стер. – М. : Цитадель-Трейд, ИКТЦ-ЛАДА, Рипол Классик, 2005. – 960 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1985–1988.
7. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. ; гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. ; М. : Норинт, Рипол классик, 2008. – 1534 с.
8. Современный толковый словарь издательства «Большая советская энциклопедия» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl.htm>. – Дата доступа: 30.10.2018.
9. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – М. : Астрель, 2003.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru/. – Дата доступа: 15. 02. 2019.